

Янь Хун действительно не собирался ехать в столицу.

В уезде Цин оставаться было нельзя, а учитывая множество финансовых «дыр», которые требовалось срочно заткнуть, ехать в столицу было бесполезно. Всё равно придётся возвращаться в родные края, в Сучжоу и Ханчжоу, и там искать выход. Семья от него не откажется, обязательно что-нибудь придумает.

Но поведение госпожи Линь было поистине возмутительным — неужели она и вправду полагала, что загнала его в угол и лишила возможности сопротивляться?!

Янь Хун, долго не получая ответного письма от госпожи Линь, смотрел на речные огни за окном и мрачно усмехался.

Не поеду в столицу. Лаоцзы всё равно тебя проучит!

П.п. Лаоцзы — грубое я, принижающее оппонента, иногда используется с оттенком самоиронии над декларативным собственным величием.

Кем был Янь Хун? Торговцем, для которого превыше всего была выгода и которого не слишком заботили правила и приличия. Какое ему дело до репутации семьи Се? Испортится — и пусть, это же не его семья Янь. Рассказывать об этом деле было, безусловно, позорно, но он же мужчина. Стоит ему в будущем снова встать на ноги, и другие лишь посмеются над тем, что он потерял деньги. А вот госпожа Линь со своими отпрысками... ха-ха, о будущем могут забыть!

Поскольку этому браку, очевидно, всё равно уже не суждено было состояться, Янь Хун попросту рассказал всё, да ещё и подлил масла в огонь, полностью очернив госпожу Линь вместе с детьми.

— Эта госпожа Линь, будучи матерью, ведёт себя неподобающе! У неё вообще не было брачного договора с Се Лян Бэем. С малых лет она была распутной и бесстыдной, соблазняла мужиков ради утех. А этот Се Тин Жи? Какой он к чёрту «законный старший сын»? Он самый настоящий ублюдок! Госпожа Линь постельными уловками завладела сердцем мужчины и, как и желала, вышла замуж в семью Се. Кто знает, может, и в смерти главной жены замешана её рука?! Вышла из мелкой бедной семьи — что она вообще может знать о правилах? Кроме умения быть бесстыжей, доведённого ею до совершенства, она ни на что больше не способна. Казалось бы, желание твоё исполнилось — так веди себя потише, будь нормальным человеком. Но нет, она предпочла быть не человеком, вытворяла невесть что, сердце у неё чёрное и грязное! Всё придумывала способы, как наложить лапу на приданое прежней жены, всячески вредила Се Тин Юэ и Се Тин Сину, несколько раз чуть на тот свет их не отправила! Слышали ли вы, господа, о грязных скандалах в семье Се? Да, всё это — её рук дело!

— Вы спрашиваете меня, почему я её ругаю? Ха-ха, я её ещё мягко ругаю! Эта распутная похотливая старая карга ради небольшой выгоды сосватала мне свою дочь и сама же выступила для неё свахой да сводницей. Занималась тем, что снимала комнаты и стояла на стрёме, — мне даже рассказывать об этом противно. В прошлой жизни она, небось, хозяйкой

публичного дома была!

Госпожа Линь, естественно, была не стара. Напротив, она всё ещё обладала очарованием и немалым шармом, иначе разве Се Лян Бэй позволил бы обвести себя вокруг пальца?

Янь Хун намеренно так ругался. В молодости он много времени провёл, ошиваясь на городских улицах, так что в ругани был искусен — даже чересчур.

— А ещё этот Тин Жи... Госпожа Линь гордится сыном и твёрдо уверена, что из него выйдет толк. Тьфу! Да он просто кусок грязи, который и на стену не налепишь! Кроме как выпрашивать деньги, ни на что не способен, кроме как пускать пыль в глаза, ничего не умеет. Когда всё тихо-мирно, выпендривается невыносимо, мнит себя вторым после Неба. А как только столкнётся с малейшей трудностью — сразу прячется в кусты. Какая утончённость, какая сила духа? Что это за хренотень такая? Никогда в нём такого не замечал!

— Мало того, что неблагодарный, он ещё и бессовестный, долги не возвращает! Какая-то мерзавка его так околдовала, что он голову потерял. Знает, что у неё есть жених и дело близится к свадьбе, и всё равно липнет, не отстаёт. Восхищается чужой смелостью, а сам на мужской поступок не способен. Даже отбить эту девку и переспать с ней духу не хватило, только и умеет, что врать да обманывать. Как нарочно мерзавка оказалась талантлива: врёт и обманывает лучше него. Так не она ли им крутит как хочет? Занял у меня деньги и не отдаёт, строит из себя шурина. Тьфу! Да я ещё даже не женился на твоей сестре! Пусть твоя сестра хоть сплошь из талантов состоит, но сколько раз ты на этом ещё сможешь пожить?!

Говоря это, Янь Хун даже достал договор, собственноручно подписанный Се Тин Жи, и выставил его на всеобщее обозрение.

Это был тот самый договор, который Се Тин Жи, желая легко подзаработать, пристроившись к чужому успеху, заключил под уговорами Янь Хуна.

Тогда Янь Хун говорил красиво: «Я внесу капитал за вас, если будет прибыль — поделим на двоих, только вам достанется поменьше». Услышав эти слова, Се Тин Жи не обратил внимания на то, что было написано в договоре: «Внести-то внесёт, да только финансовые риски каждый несёт сам. Будет прибыль — конечно, поделим, а если убытки... то капитал, который я за вас вложил, вы должны будете вернуть мне!»

Такой же, как и его мать. Откуда у Се Тин Жи деньги? Разумеется, он не посмел признать долг и мгновенно удрал.

Янь Хун был весьма умен. О своём столкновении с Се Тин Юэ он не обмолвился ни словом, не желая доставлять тому удовольствие. Очерняя госпожу Линь, он старался по возможности не упоминать Се Тин Юэ, чтобы тот не поживился за чужой счёт. Распалившись от собственных речей, он даже начал придумывать истории — и то, что было, и то, чего не было, приплетая заодно грязные секреты других семей, отчего рассказ становился всё богаче и увлекательнее.

Ему было плевать на свою репутацию. Прекрасно понимая, что все вокруг только и ждут случая, чтобы поднять его на смех, он не прятал лицо и не отсиживался дома, а продолжал появляться в самых разных местах, включая дома знатных семей. Зная, сколько глаз за ним наблюдает, он решил воспользоваться этой волной внимания и начал широко распускать слухи о делах госпожи Линь и её детях. О последствиях он решил подумать позже. Главное — сначала отвести душу!

В одночасье разнообразные пикантные истории о госпоже Линь разлетелись по уличным чайным и задним дворам различных семей, а сказители, пользуясь шумихой, даже сочинили по ним повести.

Тёплое дыхание весны заставило распуститься цветы на ветвях, а всевозможные слухи, следуя за людьми, проникли в столицу.

Се Тин Юэ со своими спутниками ещё не добрался до столицы, а на каждой улице и в каждом переулке уже всюду судачили о его семье.

Последствия наступили гораздо быстрее и оказались гораздо яростнее, чем представляла себе госпожа Линь.

Кто из-за этого дела разозлился первым и кто принял его близко к сердцу?

Конечно же, Се Лян Бэй!

«Ба-бах!» С грохотом Се Лян Бэй вышиб ногой дверь в комнату госпожи Линь и, тыча пальцем ей в нос, заорал:

— Ты... ты, презренная женщина! А я-то, дурак, думал, что ты хорошая, просто происхождением низковата, кругозором узковата, и даже если временами что-то делаешь не так, всё же в душе добрая и добродетельная, — ну, поучись остальному и всё. И кто бы мог подумать, что ты, гадина, окажешься такой коварной, что захочешь погубить всю мою семью!

У госпожи Линь сердце ушло в пятки. Она подбежала и обняла Се Лян Бэя за талию:

— Господин, о чём вы говорите? Я не понимаю, мне так страшно...

— Пошла вон!

Се Лян Бэй одним движением отшвырнул её:

— Жу-эр хоть и рождена тобой, но в ней течёт кровь семьи Се! С каких это пор ты смеешь распорядиться её браком?! Ты говорила, что Жи-эр прекрасно поживает в академии, послушен

и прилежен, добродетелен и талантлив, ценится именитыми наставниками, и в будущем его ждёт блестящая карьера. А оказалось, что он просто дурак, который бегаёт за задницей какой-то девки и позволяет вить из себя верёвки!

— Я тебе вот что скажу: только что приходили сваты для разговора. От стыда моё старое лицо так горело, что в глаза людям смотреть было неловко! Их намерения предельно ясны — они требуют расторгнуть помолвку! — Се Лян Бэй хлопал себя по щекам, тяжело дыша и свирепо глядя на госпожу Линь. — Син-эр с малых лет был озорником, устраивал драки в академии и приносил невесть сколько хлопот. Но, когда об этом заходила речь, никто особо не придирался. Наоборот, меня убеждали, что мальчишке полезно иметь характер, с таким характером из него выйдет толк в будущем. А твой сын молодец, втихаря так опозорился! Как ты вообще детей воспитываешь?!

Будь это одни лишь слухи, он бы не разозлился до такой степени, и, когда сваты пришли с разговором, он ещё мог бы, в праведном гневе, хлопнуть по столу и заявить: «Давайте-ка расследуем это дело, наверняка это чья-то клевета». Но нет! Мало того, что этот нахал Янь Хун топал ногами и скандалил, разглагольствуя о том, в чём совершенно не разбирается, так он ещё и письмо от Чу Му получил!

Разве Чу Му стал бы его обманывать? Из-за такого пустяка — стоит ли вообще обманывать?

Этот щенок Се Тин Жи и правда творил чёрт-те что на стороне!

— Я... — начала госпожа Линь.

Се Лян Бэй ткнул пальцем ей в нос:

— Госпожа Линь! Ты самым жестоким образом обманула меня! Говори, какое отношение ты имеешь к смерти моей главной жены?! Едва она отошла в мир иной, как я случайно встретил тебя на улице... тогда... всё это было спланировано тобой заранее, да?!

Госпожа Линь потёрла грудь. Во рту у неё стояла горечь, словно она проглотила коптис* — такая сильная, что даже корень языка онемел. На этот раз она плакала совершенно искренне:

— Я не... не было этого, господин! Мы столько лет прожили вместе, неужели вы мне не доверяете? Я правда... всё, что я делала, — только ради вас и блага семьи Се!

*П.п. Коптис — сушёное корневище, которое применяется в качестве лекарства для удаления жара, устранения влаги, удаления огня и обезвреживания ядов.

— Жу-эр уже такая взрослая, а вы не беспокоились о её замужестве. Я тревожилась, у меня не было выхода... но я знаю меру! Чтобы сватовство состоялось, естественно, нужно ваше согласие. Как бы я посмела своевольничать? Наша дочь — завидная невеста. Женихи сами

стучатся в наши двери, и, разумеется, я обязана дать им вежливый ответ. Но говорить, будто всё решено и окончательно утверждено, — такого не было! Если господин не верит, можете пойти и расспросить: обменивались ли мы карточками с датами рождения, принимали ли дары, отправляли ли шесть писем и совершали ли три обряда?!

Се Лян Бэй слегка прищурился:

— Правда не было?

Госпожа Линь со слезами на глазах покачала головой:

— Правда не было! Меня оклеветали!

Се Лян Бэй снова нахмурился и припомнил ей её же слова:

— Ты говоришь, я не забочусь о замужестве дочери. О, раз я тебе ничего не говорю, значит, не забочусь? Я всё понимаю и все эти годы за всем следил! Не лезь не в своё дело!

— Вы правы, господин... — Госпожа Линь всегда знала, когда нужно быть покорной, и сейчас она низко склонилась — так низко, как только могла в тот момент, — не проронив ни единого слова в своё оправдание. — А что до Жи-эра... Жи-эр, он правда всегда был послушным и благовоспитанным, старательным и прилежным. Вы сами видели письма, что присылал наставник из академии. Он действительно хороший мальчик. Просто в этот раз его обманула мерзкая дрянь! Господин, вы лучше всех знаете сына, он почтительный, разумный и слушается вас больше всех. Ради того, чтобы жениться на хорошей девушке, которая станет опорой и поддержкой нашей семьи, он все эти годы хранил себя в чистоте и не подпускал к себе женщин. Откуда ему знать об уловках уличных девок? Должно быть, эта дрянь сама его соблазнила! Раз сваты недовольны, то мы можем позже заставить Жи-эра пойти к ним и извиниться. Только эту помолвку ни в коем случае нельзя расторгать, господин!

Се Лян Бэй промолчал.

То, что помолвку лучше не расторгать — разве он сам этого не понимал? Но вот унижаться и извиняться перед другими он не любил.

К тому же даже если бы он это сделал, не факт, что получилось бы, а если не получится, то он лишь станет посмешищем.

Заметив его колебания, госпожа Линь стиснула зубы чуть ли не до крови и с силой ударилась лбом об пол:

— Я добивалась этого брака не только ради блага нашего сына, но и ради вашего блага, господин! Умоляю вас, пока Жи-эр не вернулся, скажите хоть несколько примирительных слов,

чтобы успокоить сватов!

Се Лян Бэй потёр пальцами переносицу:

— Но ведь они выдают дочь не за меня, а за твоего сына! Теперь моё слово здесь ничего не решает, всё зависит от того, как проявит себя твой драгоценный сынок!

Госпожа Линь, стоя на коленях, только всхлипывала и рыдала, от горя не в силах вымолвить ни слова.

— Ты... ты меня разочаровала до глубины души! Хватит, отныне не смей выходить из дома, нечего позориться. Хорошенько подумай над своим поведением!

Се Лян Бэй взмахнул рукавом и ушёл.

Лишь спустя долгое время он вспомнил об одном вопросе: он спросил госпожу Линь, причастна ли она к смерти его главной жены, но та так и не ответила.

Если в сердце завязался узелок, его уже ни за что не разглядить. И после этих событий его терпение по отношению к госпоже Линь естественным образом стало иссякать.

Госпожа Линь всегда была умна, просто на этот раз дело касалось её сына и дочери, и она действительно растерялась и не могла спокойно, по порядку, со всем разобраться. Она была по-настоящему напугана.

Её репутация, репутация дочери, будущее сына, а также прекрасная будущая невестка... Всё это ускользало прямо у неё на глазах и вот-вот должно было исчезнуть!

Дверь с тихим скрипом открылась. Се Жу, приподняв подол юбки, вошла в комнату. Её глаза были слегка покрасневшими — очевидно, она плакала:

— Матушка...

— Доченька... моя славная девочка!

Госпожа Линь бросилась вперёд и крепко обняла дочь, заливаясь слезами:

— Жу-эр, так дальше жить нельзя, просто невыносимо!

Её душа была в полном смятении, она никак не могла понять, как же так вышло, что они докатились до такой жизни? Ведь поначалу всё шло так гладко, всё, что она задумывала

получить, попадало ей прямо в руки. С какого же момента всё это изменилось?

Кажется... со дня свадьбы Се Тин Юэ, когда её ловушка не сработала.

Неужели этот ублюдок находится под защитой Небес и его нельзя трогать?

Нет, не может быть!

Сердце госпожи Линь гулко заколотилось. Невозможно!

— Жу-эр... боюсь, для меня... осталась только одна дорога — смерть!

Се Жу тоже очень нервничала. Руки, обнимавшие госпожу Линь, мелко дрожали. Она плотно сжала вишнёвые губы и, долго сдерживаясь, наконец выругалась:

— Этот Янь Хун — настоящий мерзавец!

Госпожа Линь застыла, а затем снова разрыдалась так, что не могла вымолвить ни слова:

— Это матушка виновата перед тобой... Я думала, что раз он простой торговец и не дотягивает до статуса нашей семьи, то в будущем будет тебя холить и лелеять. Кто же знал, что этот негодяй окажется таким мерзавцем — ни на что не годным, совершенно бесполезным, а в довершение всего ещё и обвинит нас во всех грехах...

Она крепко прижала к себе дочь. К ней понемногу возвращалось спокойствие, хотя сердце сжималось от боли:

— Какое счастье, что ты с ним ещё не виделась, и дело это не было доведено до конца... Девочка моя, не бойся. Даже если это будет стоить мне жизни, я защищу вашу с братом репутацию и устрою вам счастливую жизнь...

Взгляд Се Жу слегка дрогнул:

— Матушка уже придумала, что делать?

Госпожа Линь помедлила:

— Я обязательно придумаю хороший способ...

Се Жу долго молчала, а затем произнесла:

— На самом деле из этой ситуации не то чтобы совсем не было выхода...

Госпожа Линь воспрянула духом:

— У моей девочки есть способ?

— Способ-то есть, вот только... — Се Жу отвела взгляд от матери и посмотрела в сторону. — Это несколько несправедливо по отношению к матушке. Если мы так поступим, боюсь, матушке придётся вытерпеть много обид...

Госпожа Линь несильно шлёпнула её:

— Что ж ты за ребёнок такой! Если у тебя есть способ, зачем утаиваешь и не говоришь? Потерпеть немного ради вас с братом — что в этом такого? Говори смело, если это поможет, матушка всё сделает. Помучиться — это пустяки!

Тогда Се Жу приблизилась к госпоже Линь и зашептала ей на ухо.

Выслушав её, госпожа Линь медленно кивнула. Это дело осуществимо!

— В мои годы мне уже нечего бояться. Но если так поступить... девочка моя, ведь и тебе придётся несладко. — Она погладила дочь по волосам, и в её взгляде читались редкие для неё материнская нежность и мягкость.

Се Жу порывисто обняла госпожу Линь, и слёзы покатались по её лицу:

— А что ещё мне остаётся? Если мы хотим хорошей жизни в будущем, у нас только один путь...

.....

В столице вовсю летали самые разные слухи, ситуация была невероятно хаотичной.

О переполохе в семье Се знали другие, так что, естественно, и в семье Чу об этом были наслышаны. Госпожа Сунь, услышав это, вздохнула:

— Должно быть, та особа вложила средства, желая расправиться с Се Эром, но в итоге получила противоположный результат и сама влипла. Этот ничтожный сын наложницы... оказался силён.

Говоря это, она вдруг рассмеялась:

— Я смеюсь над другими, но разве сама не понесла убыток?

Доверенная няня тут же принялась её успокаивать:

— Чужие семейные дела в конце концов нас не касаются. Если молодая госпожа не справится, ей будет трудно объясниться перед семьёй.

Госпожа Сунь прижала платок к уголкам губ, её улыбка была подобна распутившемуся цветку гибискуса:

— Тоже верно.

Доверенная няня, улучив момент, поспешно спросила:

— А то дело...

Госпожа Сунь тут же строгим тоном оборвала её:

— Нет никакого того дела! Те дела давно улажены!

Доверенная няня мгновенно замолкла, сложила руки и опустила голову:

— Да.

Госпожа Сунь добавила:

— Но если он умрёт где-нибудь снаружи, мне, естественно, будет спокойнее.

Взгляд доверенной няни слегка дрогнул:

— Да, я поняла.

.....

— Ха-ха-ха, твой братец — настоящий гений!

На обратном пути Се Тин Юэ и двое его спутников не упускали из виду доходящие до них слухи. Ежедневно они получали различные письма с почтовыми голубями. Разобравшись в причинах и следствиях, Лу Ли смеялся, распластавшись на столе так, что даже спину

разогнуть не мог:

— Я так скажу, в следующий раз, если столкнёмся с неприятностями, нам не нужно будет ничего придумывать, просто бросим в них твоего глупого братца, и дело с концом!

Се Тин Юэ с трудом сдерживал улыбку:

— Я и сам не ожидал, что так получится...

Очень даже хорошо. Небеса наконец-то проявили к нему благосклонность.

Чу Му незаметно протянул руку, взял пальцы Се Тин Юэ и стал с ними играть. На его спокойном лице была непринуждённая улыбка:

— Раз так вышло, твоя мачеха, вероятно, не осмелится снова к тебе лезть.

Каждая её попытка навредить заканчивалась для неё крахом, неужели она не понимает, что на ошибках учатся?

Се Тин Юэ согласился. Сейчас ему очень хотелось посмотреть на выражение лица госпожи Линь, оно наверняка было весьма впечатляющим. Интересно, найдётся ли у неё на этот раз способ ловко и легко со всем справиться?

Тёплое прикосновение к кончикам пальцев невозможно было игнорировать, а резким движением отмахиваться было неловко, поэтому Се Тин Юэ постарался отвлечься:

— Мы, наверное, скоро прибудем в столицу?

Чу Му ответил:

— При такой скорости ещё четыре-пять дней.

Конец третьего — начало четвёртого месяца, яркое весеннее солнце, великолепные весенние цветы. Лу Ли не сиделось на месте, он встал и, приподняв полы халата, вышел:

— Вы болтайте, а я пойду посмотрю.

Занавеска повозки преграждала путь свету, лишь малая его часть падала на лицо Се Тин Юэ, то светлея, то темнея, создавая смутное мерцание.

Чу Му смотрел на него, и сердце его трепетало. Он похлопал себя по груди:

— Хочешь спать? Не желаешь прилечь на грудь мужа и вздремнуть немного?

Се Тин Юэ: «...»

С твоим-то большим телом...

Се Тин Юэ промолчал. Чу Му улыбнулся, слегка прищурился, отчего стал выглядеть особенно коварно:

— Госпожа снова смущается? Мы старая супружеская пара, нужно всё же привыкать... и к этому тоже.

Он слегка подался вперёд и быстро поцеловал Се Тин Юэ в губы.

Поцелуй застал Се Тин Юэ врасплох. Прежде чем он успел отреагировать, Чу Му уже отстранился, не оставив ему времени на отказ.

Он вздохнул с крайне сложным выражением лица.

Как Чу Му удаётся вести себя так бесстыдно, при этом не краснея? Неужели этот человек... и правда никогда не смущается?

Се Тин Юэ вдруг стало любопытно. Он вспомнил, как в повестях хулиганы и негодяи больше всего любят приставать к стеснительным девушкам. А если девушка попадалась бойкая — сама начинала приставать, то после пары заходов они уже не смели лезть. Может быть... и ему попробовать?

Он прищурился и как следует морально подготовился. На его лице расцвела ослепительная улыбка, и он сам прильнул к груди Чу Му:

— Вижу, ты понятливый. Слишком высоко, чуть ниже, ещё ниже, вот так.

Он командовал Чу Му, чтобы тот принял самую удобную позу для опоры, ещё и помял его рукой, с важным видом комментируя и одновременно украдкой поглядывая на выражение лица Чу Му:

— Хоть немного жестковато и спать будет неудобно, но я не буду придираюсь.

Чу Му остолбенел.

Се Тин Юэ мгновенно воодушевился, щёки его разругнулись, глаза ярко заблестели. Это действительно сработало!

Он с нетерпением ждал следующего мгновения.

Вдруг ему очень захотелось увидеть, как этот человек смущается. Чу Му такой красивый, если он засмущается, то наверняка станет ещё прекраснее. Покраснеет ли его лицо? Покраснеют щёки или уголки глаз? А мочки ушей? Будут ли они тёплыми и красными? И его всегда такой привлекательный кадык... как он будет выглядеть? Будет ли двигаться?

Се Тин Юэ с большим нетерпением ждал любой реакции с его стороны, но в итоге тот тихо рассмеялся, и его грудь затряслась:

— Моя госпожа... Впервые слышу, чтобы супруга жаловалась на то, что муж слишком твёрдый.

Эти слова...

Се Тин Юэ задумался над смыслом. Значит ли это, что всем жёнам в мире нравится, когда их мужья твёрдые? Что это за... А, тьфу ты, конечно же, имеется в виду в постели!

Внезапно осознав скрытый смысл этих слов, Се Тин Юэ густо покраснел и указал на Чу Му:

— Ты, ты...

Какой же бесстыдник!

Его палец был схвачен этим бесстыдником, который к тому же весьма интимно и двусмысленно его поцеловал.

— Что со мной? М-м?

Се Тин Юэ: «...»

В душе он поклялся, что обязательно найдёт способ и непременно заставит этого бесстыдника хоть раз покраснеть!

.....

Впереди была пустынная горная дорога. Обогнув ещё две горы, они доберутся до дальних окраин столицы.

Се Тин Юэ заметил, что повозка поехала не по тракту, а свернула на горную дорогу, и чутко почувствовал что-то неладное:

— Мы сменили маршрут?

Лу Ли кивнул:

— Изначально мы планировали ехать по тракту, так ближе, но посланные Чу Му разведчики прислали сообщение, что недавно в столице тоже прошёл сильный ливень, один мост смыло и разрушило. Это небольшая проблема, но она займёт какое-то время, поэтому мы поехали в обход.

Се Тин Юэ с тревогой смотрел в окно, на душе было беспокойно. Одинаковые деревья, одинаковые горы, одинаковый пейзаж. Сколько бы они ни ехали, пейзаж казался всё тем же. Не разобрать направления, не понять, где что...

Это чувство потери контроля над ситуацией очень его напрягало.

Весна была тёплой, не слишком жаркой и не слишком холодной, достаточно одной лёгкой одежды — точно такое же ощущение, как в прошлой жизни, когда с Лу Ли случилось несчастье.

Смертельная опасность — именно сейчас!

Это должно случиться на тракте или здесь? Смена маршрута на этот раз — неизбежность или случайность?

В тот момент, когда он начал нервничать, большая рука накрыла его ладонь.

Чу Му с улыбкой легонько пощекотал её:

— Я знаю, что чувство направления у госпожи... м-м, не слишком острое, и на этот раз, боюсь, госпоже не удастся показать, на что она способна. Госпоже не стоит волноваться, просто спокойно положитесь на меня.

Что оставалось делать Се Тин Юэ? Он мог лишь посмотреть на Чу Му и со сложным выражением лица кивнуть.

Будем надеяться, что всё пройдёт гладко и никаких происшествий не случится.

Лу Ли тоже заметил напряжение Се Тин Юэ и, чтобы отвлечь его внимание, поднял другую

тему:

— Я недавно слышал, что принц Ли в знак благодарности весьма высоко отозвался о твоей ткани синяя Инбу.

Се Тин Юэ опешил.

В так называемом соревновании за звание императорского поставщика он не участвовал, но знал, что многие прикладывали огромные усилия, чтобы получить хотя бы одно слово похвалы от принца Ли. Кто бы мог подумать, что в итоге преимущество получит он...

Чу Му наклонился и тихо произнёс:

— А ещё та ярко-жёлтая ткань... уже тайно проверили, она действительно принадлежит принцу Ли.

К сожалению, выведывать секреты тех, кто принадлежит к императорскому роду, нелегко. Тем более по прибытии в столицу, на их территорию, где некоторые вещи становятся ещё более деликатными.

Се Тин Юэ, следуя за ходом своих мыслей, вспомнил прежний вопрос:

— В этой поспешной поездке принца Ли есть немало странного. Неужели это было только ради того, чтобы поймать пёструю птицу?

Задав этот вопрос, он заметил, что выражение лица Лу Ли слегка изменилось.

Лу Ли... должно быть, что-то знает, но не может сказать.

Учитывая их нынешние отношения, если Лу Ли молчит, то возможна только одна причина: это дело касается государственной тайны, и о нём нельзя рассказывать посторонним.

Раз так, Се Тин Юэ не стал расспрашивать, в любом случае его это не касалось.

Именно в этот момент нагрянула опасность.

Это уже был не град стрел без всякого предупреждения, а бесшумная верёвка, натянутая для подсекания лошадей.

Как раз на спуске лошади, запряжённые в повозку, шли чуть быстрее. Набежав на верёвку рысцой, они тут же споткнулись и с жалобным ржанием тяжело рухнули на землю. Повозка

позади них, естественно, перевернулась вместе с ними.

Се Тин Юэ, Чу Му и Лу Ли — все трое, без исключения, были выброшены наружу!

А снаружи их встречала вовсе не холодная и твёрдая земля, а острые, сверкающие в лучах солнца лезвия вражеских клинков!

<http://bllate.org/book/13821/1631946>